

И. Ф. ШТЕЙНЕР
(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

ВЕРБАЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется способность художественной литературы адекватно постигать окружающий мир и приходиться объективным выводам по проблемам познаваемости законов природы и общества в сочетании художественной интуиции и рационального познания.

Литература – это прежде всего искусство слова. Вместе с тем необходимо помнить, что каждое слово – это в первую очередь информация, причем информация весьма специфическая. Именно в ней хранятся все сведения о людях и делах, ими совершенными, за все века цивилизации. Так, античные представления о космологии ярко и красочно изложены в диалоге Платона «Тимей». Представьте себе, не в научном трактате, не в собрании схоластических статей, не в отдельной научной монографии, а в самом популярном литературном жанре того времени – диалоге. Хотя чему тут удивляться: прославленное материалистическое исследование Лукреция Кара «*De rerum natura*» («О природе вещей») написано в форме поэмы. О сущности мироздания изложено величественным гекзаметром, прославленным стихотворным размером, которым вещали не только рапсоды, но и философы, вольно и свободно излагающие свои взгляды на устройство окружающего мира. Данного поветрия не смог избежать и Эпикур, несмотря на то, что его мировоззрение кардинально противоречило общепринятому, да и говорил он о более приятных вещах. Великий державный деятель Солон к поэзии сначала не относился серьезно: она была для него игрой и развлечением в свободное время; но впоследствии облакал в стихотворную форму философские мысли и часто излагал в стихах государственные дела. Даже пытался издать законы в виде упомянутой поэмы [1, с. 159]. Кармента, вещь жена аркадского царя Эвандра, облачала свои предсказания стихотворной формой: ведь *стихотворение* по-латыни и называется *кармен*. [1 с. 94]. Исключительное единение форм поэзии с медитацией подчеркивает и тот факт, что в XX веке Альбер Камю утверждал: *Хочешь быть философом – пиши роман*.

В платоновском произведении впервые рассказывается, что еще до потопа существовал остров под названием Атлантида. Площадь его – больше Азии и Африки, сложенных вместе. Он был расположен строго на запад от того места, где Гибралтарский пролив смыкается с океаном. Исчез вместе с жителями в морской пучине после невиданного по своей силе и разрушениям землетрясения. Таким же способом была оторвана Сицилия от Италии, о чем написал в прославленной «Энеиде» Вергилий. [2, с. 224]. Остров Кипр в свою очередь откололся от материка в том месте, где теперь Сирия. Таким образом, поэты и философы раньше геологов поведали миру о возможности рейфа материков и плит, на которых те находятся.

Геолог по основной профессии и по совместительству фантаст Иван Ефремов в рассказе «Алмазная труба» показал сходство африканской и сибирской платформ, т. е. предсказал, что в этих местах должны быть алмазы, раз тектонические плиты так схожи своей структурой. Через пять лет геологи обнаружили кимберлитовые трубки именно там, где указал фантаст: в Якутии. В рассказе «Эллинский секрет» он впервые поведал о генетической памяти, а так же предположил, где необходимо искать пещеру, в которой остались наскальные рисунки наших далеких предков. В советской фантастике его считали чуть ли не провидцем, подчеркивая, что некоторые идеи, описанные в романах, вскоре осуществились. В частности, его предположения о том, что под известным углом освещения на горных породах можно увидеть фрагменты ушедшей жизни, связывают с эффектом голографии.

Интересны и наблюдения писателя над памятью гена, хотя справедливости ради необходимо вспомнить, что в XVI веке Монтень удивлялся, как через капельку спермы родителя передалась ему мочекаменная болезнь, которая проявилась именно в таком же возрасте, как у отца. Со всеми болями и мучениями, приведшими писателя к смерти в возрасте последнего. А ведь тогда никто даже не упоминал о генах и их влиянии на потомство, никто понятия не имел о ДНК. И вдруг философ, так далекий, на первый взгляд от естествознания, озвучивает проблему, решить которую не смогли до сих пор. Монтень раньше биологов и, тем более, генетиков, о которых никто и не слышал последующие четыре века, утверждает, что из той роковой капли вышел он весь со своими физическими и душевными качествами.

Вернемся к более близкой нам геологии. Белорусский поэт Михайло Громько предсказал, что около деревни Горивода Речицкого района должны быть залежи нефти. Говорящее название села подсказало тайну чуткому уху исследователя, имеющему к тому же поэтический дар. Как раз там и нашли первое белорусское черное золото.

Галилео Галилей (1564–1642) – не только основоположник современной физики, а на редкость разносторонний писатель. Музыка и поэзия стали основой его мировоззрения, а выработанные критерии прекрасного серьезным образом повлияли на его научные открытия. Итальянские филологи особенно ценят его вклад в становление языка национальной прозы. Посредством *диалогов* и *посланий*, самых популярных жанров эпохи, он донес свои научные взгляды до широких кругов. Его книги совсем не напоминали сухие учебники, а являлись произведением искусства. Галилей писал стихи, пробовал силы в драматургии, хотел рассказать о комете. В 1589 году он выступил с докладом «О форме, местоположении и величине дантова Ада», то есть пытался проанализировать прославленную поэму с помощью математики и произвести реальную локацию места обитания грешников всех мастей и эпох [3, с. 45–46].

Если подобное позволил себе гений естествознания, то стоит ли удивляться гуманитариям, которые создавали собственные города и страны. Именно писатели-философы и стали первыми политологами, ведающими проблемами устройства государства. И не только Платон, словами которого В. Шекспир в «Буре» призывает *признать вымышленное им государство*, несомненно обыгрывая название прославленной книги великого мыслителя. Философ и писатель Плутарх написал «Наставления по управлению государством». Ныне доказывается, что никакой летописи, известной как «Повесть временных лет», не существует, а есть именно «повесть» под таким названием неизвестного писателя, подавшего свои фантазии на тему давних времен восточнославянских племен, первое произведение в нескончаемом ныне ряду фэнтези. Несмотря на то, что Платон был категорически против кандидатуры поэта на роль руководителя державы, Велемир Хлебников написал «Воззвание Председателей земного шара» (1917). Еще ранее, в исследовании «Учитель и ученик» (1912), он говорил о *внутреннем склонении слов*, размышлял о числовых закономерностях, имеющих отношение к судьбам стран и народов. Поэт попытался показать, как лингвистические открытия ученика определяют ход времени и исторические события. Это позволило ему задать вопрос «Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?», на который утвердительно ответила сама история. Именно поэт сумел разгадать приближающийся коллапс для интенсивно развивающейся России, причем за пять лет до революции. Вспомним, что и маркиз де Кюстин в *эпистолярном пасквиле* «Россия в 1839 году» (русский вариант вышел только в пятидесятые годы позапрошлого века) проницательно сказал: *Не пройдет 50 лет, как в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует до сих пор.*

Государством управляли драматург и публицист Гавел в Чехии, наш прозаик Цишка Гартны, настоящая фамилия Жилунович, стоял у истоков Беларуси как государства. Интересна в этом плане судьба графа Габриеле д'Аннуцио. Член королевской академии французского языка и литературы Бельгии, поэт, драматург, прозаик, автор открыто

эротических произведений, оказавший влияние на писателей всей Европы, он с 12 сентября 1919 по декабрь 1920 года руководил созданным им государством Фиуме. Официально его должность называлась Первый Регент Итальянской Регенции Кариано (Республика Фиуме). Себя называл *Commandante*, ввел черные рубашки для своих солдат, принял древнеримское приветствие в виде вознесенной руки, сочинял воинственные песни, практиковал митинги с длинными эмоциональными монологами. Ушел вместе со своим войском, оставив в истории память о попытке осуществить на практике философские тезисы великого Платона.

Тому, кто захочет узнать, как одевались украинцы XVIII-XIX веков, что они ели, пили, какие песни пели, на чем ездили, плавали, летали, не нужно читать специальные фольклорно-этнографические сборники и записи. Достаточно внимательно изучить «Энеиду» И. П. Котляревского. Более скромное меню белоруса представлено в белорусском пародийном варианте прославленного произведения Вергилия «Энеидзе навыварат» В. Ровинского. А вот в «Літоўскай гаспадыні» даны подробнейшие описания приготовления блюд из всего того добра, которым так богата земля белорруская, а также ее реки, озера и леса. В своих дневниках и романах Фаддей Булгарин дал подробное описание снеди, которой питалась белорусская шляхта. Этим не стыдно было угостить и шведского короля Карла XII. В других книгах показано, как Радзивилы встречали праздники, которые были равновелики пирам Лукула, о чем так красочно рассказал Плутарх. Алесь Адамович когда-то задался вопросом: Какую книгу надо показать инопланетянам, чтобы они узнали все о Беларуси? И сам ответил – «Новую зямлю» Якуба Коласа. Именно в ней так подробно рассказано о белорусской земле, ее лесах, борах, реках, озерах, всех порах года, одежде, вере и обрядах жителей, надеждах и помыслах. Поэтическое слово заменило научные труды по этнографии, народоведению, фольклору и земледелию. И наши предки не были в этом исключением. Вспомним сентименталистскую поэму «Времена года» Дж. Томпсона. Или написанную гекзаметром поэму «Времена года» основоположника новой литовской литературы Кристионаса Донелайтиса. В 2968 строках торжественного текста поэт рассказал об основных порах года на родной земле, показал ежедневный быт литовского народа на ней.

Необходимо отметить, что у своих истоков история была не наукой в современном понимании слова, а, опять же исходя из современной терминологии, жанром художественной прозы. По существу она соединяла лед и пламень: науку и искусство. Не случайно Аристотель именно с помощью произведений Геродота показывает коренное отличие истории от поэзии. Геродот стал отцом истории в первую очередь потому, что собрал исключительные артефакты. Он прежде всего выдающийся писатель, а потом уже историк. Благодаря этому сумел ввести в ткань повествования мифы, предания, легенды, бывальки, рассказы свидетелей, фрагменты из исследований своих предшественников, отрывки из ранней поэзии, фольклорной и профессиональной. Его труды актуальны и в наше время. Например, заметка о том, что *каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик* [4, с. 213]. Геродот становится основой для дискуссий современных белорусских ученых и одновременно инспирирует новые фэнтези и тому подобное. Одним словом, будоражит современных белорусов, считающих, что сие написано об их далеких предках. Нечто подобное встречается в произведениях Плутарха, который писал о людях, превращающихся в кобыл и волков.

Видимо придется признать: с той поры, как начала существовать книга, История – это уже совсем не то, что было, а то, что о нем написано. Поэтому историю Египта, Древнего Рима, Франции, Беларуси мы знаем не из учебников, а романов и героических поэм («Фараон», «Камо грядеши», цикл произведений о «проклятых королях», «Сивая легенда»), а Д'Артаньян, Миледи, Ричард Львиное Сердце, Гарвасий Выливаха гораздо ближе, нежели реальные исторические личности, существование которых подтверждено документами.

Хотя для Александра Дюма история, по его словам, – это гвоздь, на который вешается картина.

Тит Ливий (59 до н.э. – 17 н.э.) написал «Историю от основания Рима», состоящую из 142 книг, из которых сохранилось полностью 35, остальные известны в пересказах. Он мечтал прославить Рим как вечный город, показать величие патриотизма его жителей, их нравственный потенциал. Поэтому Тита Ливия интересует прежде всего не просто конкретное происшествие, реальный факт, а нравственные уроки, из них вытекающие. Кроме того, стиль его книг возвышенный, мало напоминающий сухие псевдонаучные исследования. Тит Ливий избирает наиболее редкие и эмоциональные события, способные зажечь читателя, заставить его сопереживать, сочувствовать герою. Перед нами не только исторические исследования, но и образцовая художественная проза: *Но, как мне кажется, судьба преопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающее лишь могуществу богов. Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса – то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, – меньшее бесчестье.* [5, с. 513].

Еще более мы узнаем из романов, написанных современниками событий. В романе Ло Гуаньчжина (около 1330–1400) «Трехцарствие» далеко не все изображенное соответствует действительности, но доверие читателя настолько высоко, что историю Китая многие изучают по этому произведению, зачастую игнорируя даже документальные источники. Не случайно Ю. Тынянов писал, что роман исторический начинается там, где кончается документ.

Педагогика, которую некоторые пуритане не признают наукой, все же выросла из литературы. Жан-Жак Руссо (1712–1778), выдающийся французский мыслитель-педагог XVIII столетия, в романах «Юлия, или Новая Элоиза», «Эмиль, или О воспитании» поведал человечеству, в каком состоянии оно находится, само того не ведая. Люди забыли об этапе изначального блаженства, когда они были счастливы, о легендарных первобытных временах, когда все были равны. Нынешнее устройство общества привело к социальному противоречию: основная масса населения, создавая все материальные ценности, живет в бесправии и нищете. А горстка господ жирует в свое удовольствие.

Романы Жан-Жака Руссо оказали большое влияние на развитие философии, социологии, педагогики. С помощью ярких художественных образов писатель изложил собственную теорию естественного воспитания, подчиненного законам физического, умственного и нравственного развития. Считая, что далекие века были золотым веком человечества, Руссо требовал активизировать методы обучения детей. И прежде всего в связи с настоятельной необходимостью систематической трудовой подготовки. Он разработал структуру индивидуального воспитания ребенка на лоне природы под благодатным влиянием крестьянской среды. Поскольку человек испорчен современным обществом, то воспитывать дитя необходимо в изоляции от последнего, в дикой и естественной природе. Романы Руссо наполнены идеями гуманизма и демократизма, проникнуты искренней любовью к ребенку, которого, подчеркивает автор, воспитывать необходимо лаской и заботой, личным примером. Может поэтому сам великий моралист родил пятерых детей и всех отдал в воспитательный дом. Зато Макаренко в начале XX века не только рассказал, как можно воспитать нового человека в бесклассовом обществе, но и попытался осуществить свои идеи на практике.

Принято считать, что воспитательная функция литературы в далеком прошлом. И попытки формировать взгляды современного читателя с помощью литературы абсолютно бесполезны. Разве только дошкольника или ученика начальной школы. Человек не хочет учиться на примерах своих родителей и вообще предшественников, ему необходимо набить собственные шишки самостоятельно. Ведь давно известно, что старики могут поучать молодых с таким же успехом, как мертвые живых. Тем более, давайте вспоминать, когда хороший пример помогал? Марк Юлий Брут, один из убийц Цезаря, написал книгу

«О добродетели» (De virtute). Жаль, что сей опус не дошел до наших дней: очень интересно почитать. Ведь с ней полемизировал Цицерон в своих «Тускуланских беседах». Как узнать, кого перевоспитало слово? Диоген издевался над грамматиками, которые знают наизусть все злосчастия Одиссея, но в упор не видят собственных; высмеивал ораторов, которые в своих писаниях отстаивали правду и справедливость, а жили совсем по иным законам.

Несвижская княгиня Уршуля Радзивилл писала пьесы и ставила по ним назидательные спектакли с надеждой, что образумится ее ветреный князь, вернется блудный муж на путь истинный. Наивные надежды. Мы помним урок древних: *Verba volant. Exempla docent.* – Слова улетают. Пример поучает. Несомненно, что нравственный поступок выше и полезнее десятков лекций и книг. *Пуцайте, я и сада држим час – Стреляйте, я и сейчас веду урок.* Слова Милае Павловича, учителя из Крагуеваца, сказанные фашистам, когда они расстреливали 300 школьников, Янка Сипаков взял в качестве эпитафии к *сербской балладе XX века* «Урок». Хотя и рассказы о подобных великих, звездных событиях в истории человечества не могут остаться бесполезными.

Любимая дочь литературы – описание земли, где происходит действие, т. е. география. Нельзя представить классические произведения без пейзажей, описания рек, озер, морей, неба, ветерка и бури. Особенно если дело касается стран далеких и диковинных. Вспомним внушительную историю путешественника и писателя Марко Поло. Его «Книга о разнообразии мира», имеющая 140 вариантов на 12 языках, рассказала о бумажных деньгах, каменном угле, невиданных зверях и обычаях, обо всех диковинках, существующих в далеких экзотических краях и странах. Правда, тут встречается уже гораздо меньше, чем у Геродота, фантастических существ, в реальность которых так трудно поверить. Как известно, в книгах отца истории встречаются истории о лысых с рождения, плосконосых и с широкими подбородками мужчинах и женщинах; одноглазых людях и грифах, стерегущих золото. Он же писал о людях, которые полгода спят, а полгода бодрствуют. [4, с. 25] Однако они стали основой многих бестиариев, которые появились позже, в эпоху от средневековья до Аполлинера. Книга Поло написана в тюрьме под диктовку: вполне возможно, что автор даже не знал грамоты. Вполне допустимо, что и не он диктовал. А может это просто коллективный компилятивный труд людей, скучающих в изоляции, и в качестве забавы, как потом у Бокаччио, рассказывающих небывальщину. Что-то, а фантазия у обитателей тюремных камер всегда работала. В данном случае уместно высказывание Квинта Курция (IX, 1): *По правде говоря, я сообщаю и о том, чему сам не верю, ибо я не хочу утверждать того, в чем сам сомневаюсь, и не хочу умалчивать о том, что мне известно.*

Данная традиция уже не прерывалась: «Книгу о разнообразии мира» взял с собой в прославленное путешествие Колумб, о чем свидетельствуют его многочисленные замечания на полях сохранившегося экземпляра. По-видимому, она вдохновляла искателей приключений на поиски подобного. И по ее образцу создавались новые книги, в которых правдивая фиксация увиденного самым натуральным образом сочеталась с вымыслом и неудержимой фантазией. Правда, все таки первым на этой стезе был великий Гомер. Именно он рассказывал о службе у ветров, про одноглазых людей, каннибалов, сирен, диких коней, поедающих людей, превращении своих спутников под воздействием чар в свиней и других животных. Да и конь в его прославленных поэмах философствовал.

Слонимская девица Саломея Пильштынова совершила удивительные путешествия и извела приключения, достойные не белоголовой, как называли женщин в Великом Княстве, а мужчин-героев из настоящего авантюрного романа. Побывав на поле боя, в тюрьме, в качестве врача в гареме турецкого султана, во многих европейских столицах, она рассказала о своей удивительной жизни и нравах разных народов в далекую эпоху в книге воспоминаний, которая имеет, как и положено в эпоху барокко, длинное и красочное название: «Поданное миру эхо моих занятий, путешествий и жизни моих авантюр в честь

и хвалу Господу Богу, в Святой Троице Единому, и самой святой Матери Христа, господя моего, и всем святым.” (1760) .

Несвижский князь Николай Криштоф Радзивил Сиротка на латинском языке описал свое путешествие 1582-1584 годов в Иерусалим. Книга пользовалась исключительной популярностью, переиздавалась не только на латыни, но и на немецком, польском, русском и других языках. Как и многие литературные произведения данной эпохи, она написана в форме писем к другу (вспомним античную традицию). Диапазон эпистолярия впечатляет. Автор предстает настоящим мастером слова, который не только удовлетворяет эстетические запросы взыскательного читателя, но и дает настоящие уроки по геологии, географии, ботанике, этнографии. Он описывает Галилею, Самарию, горы и реки на этих землях, сообщает их длину, глубину, высоту, описывает растительность, фауну, прежде всего экзотических животных. Рассказав об островах, он дал подробную характеристику городов: их архитектуру, количество и состав населения, церквей и монастырей, крепостей, портов. Особенно впечатлили его пирамиды. Описаны особенности быта ближневосточных и африканских народов: условия жизни, социальная иерархия, обряды, воспитание детей, положение женщин, музыку и песни. Вместе с тем встречаются, словно в авантюрном романе, рассказы о бурях, встречах с разбойниками, погонях, предания о кладах и колдунах. Вдумчивый читатель, а тогда иного не было, словно посмотрел “Клуб кинопутешествий”. Правда, фантазия у него работала, в отличие от телезрителя, и он мог присочинить в зависимости от опыта и ожидания.

Подобная традиция изучения мира с помощью слова надолго останется доминирующей. Уже в XIX веке вся Европа следила за путешествиями героев Ж. Верна по океанам, горам, континентам, а затем и под водой. Африка, Америка, Азия становилась близкими и родными. Причем автор не путешествовал далее своего рабочего кабинета или ближайшего кафе. И в этом благородном деле он совсем не одинок. Лукиан утверждает, что книдиец Ктесий писал о стране и жизни индусов, хотя сам никогда там не бывал и не слышал о них ни одного правдивого рассказа [6, с. 514], как и белорус Янка Мавр. Изучив доступную литературу (для этого он освоил язык эсперанто), Иван Федоров (настоящее имя писателя, экзотический псевдоним взят не случайно) поведал белорусским детям, да и ребятам всей страны советов о страшных обитателях морского дна, угрожающих всем и в первую очередь ловцам жемчуга, о жестоком проклятии “амок”, чужедельных горах с их затерянным миром. Да и о родном крае, его флоре и фауне рассказал так вдохновенно и увлекательно, словно о джунглях Амазонки. Именно поэтому его “Полесские робинзоны” интересны и занимательны не менее, чем приключения основоположника и многочисленных последователей робинзоны. Природу родного края от простой травинки до мистической державы зверей, которой руководит мамонт, описал Мицкевич в поэме “Пан Тадеуш”. Причем намного раньше Киплинга с его описанием загадочной и экзотической Индии. Это описание вдохновило французского романтика Проспера Мериме, который в новелле “Локис” не только описал белорусские пуши, но и заставил свою героиню читать балладу “Свитязь” о таинственном и загадочном озере и русалках, в нем обитающих. Писатели всех стран изучали растительность, животный мир конкретной территории, зачастую используя при этом работы натуралистов. Наша великая землячка Элиза Ожешко в своих польскоязычных произведениях с любовью неопита и скрупулезностью ботаника описывает каждый цветочек и травинку, произрастающую на земле белорусской. И подает как местное, так и латинское название. Каждый читатель вспомнит десятки изумительных по своей точности и поэтичности описаний украинской ночи, водопадов, рек, скал, морского прибора, фаз луны, затмений солнца. Хотя в подобных случаях некоторые предпочитают записи людей не особенно грамотных и не обладающих тонким умом. Необходим человек простой, не склонный к фантазиям, а тем более к сочинительству. Иначе все будет переиначено и приукрашено, дополнено самыми разнообразными небылицами.

Список использованной литературы

- 1 Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. Том I. М.:1986. – С. 159.
- 2 Монтень, М. Опыты в 3-х томах. Том 2, М.:1992.
- 3 История всемирной литературы в девяти томах. Т. 4. М.:1987. с.45-46.
- 4 Геродот. История в девяти книгах. Издательство «Наука». Ленинград, 1972. – 600 с.
- 5 Античная литература. Рим: Антология. – М., 1988.–720 с.
- 6 Лукиан. Избранная проза. – М., 1991. – 720 с.

А. У. ЯРМОЛЕНКА
(г. Гомель, БелДУТ)

ТЭМА БЕЖАНСТВА Ў ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА ГАРЭЦКАГА

У артыкуле разглядаецца спецыфіка адлюстравання тэмы бежанства ў творчасці Максіма Гарэцкага. Даследуецца філасофская канцэпцыя творчасці пісьменніка, якая заснавана на экзістэнцыяльным светапоглядзе. На матэрыяле апавядання “Уцекачы” і п’есы “Жартаўлівы Пісарэвіч” прааналізаваны ўмовы з’яўлення бежанцаў, абставіны іх жыцця, фізічнае і псіхічнае становішча асобы, спосабы выжывання ў сітуацыі смяротнай небяспекі. Вызначаны асноўны лейтматыў твораў пісьменніка пра бежанцаў: адзінота, жах і смерць. Адлюстраваны некаторыя асаблівасці паэтыкі творчасці Максіма Гарэцкага, якія заключаюцца ў стварэнні наватарскага тыпу героя, выкарыстанні псіхалагічнага канфлікту і трагічнай развязкі.

Гісторыя чалавечай цывілізацыі складаецца са шматлікіх ваенных канфліктаў, прыродных катаклізмаў, маштабных катастроф, якія вядуць да перамяшчэння вялікіх груп людзей у межах ці па-за межамі краіны. Навуковыя і мастацкія даследаванні ў наш час прысвечаны асэнсаванню праблемы бежанства. Між тым літаратуразнаўства можа даць больш для разумення феномена бежанства, чым іншая сацыяльная навука.

Адным з першых, хто ўзняў тэму бежанства ў беларускай літаратуры ХХ стагоддзя, з’яўляецца Максім Гарэцкі. Балючы вопыт непасрэднага ўдзельніка ваенных падзей і сведкі іх наступстваў пісьменнік увасобіў у шэрагу апавяданняў і аповесцей: “Уцекачы”, “Літоўскі хутарок”, “Генерал”, “Рускі”, “На імперыялістычнай вайне”, п’есе “Жартаўлівы Пісарэвіч”. Пэўная колькасць праявістых і драматычных твораў Максіма Гарэцкага закранаюць тэму бежанства (“Уцекачы”, “Жартаўлівы Пісарэвіч”).

Упершыню афіцыйны статус бежанцаў з тэрыторыі сучаснай Беларусі быў пацверджаны пасля Першай сусветнай вайны 1914–1918 гадоў. Паводле гістарычных звестак: “Разам з адступленнем рускіх войскаў ў 1915 г. на ўсход ішлі сотні тысячаў людзей, пераважна жанчын, дзяцей і старых. Па прыблізных падліках з Беларусі ў Расію выехала каля двух мільёнаў чалавек (пераважна праваслаўных). Людзі ратаваліся ад ваеннага тэрору ў прыфрантавой паласе. Вайскоўцы наўмысна распускалі чуткі пра здзекі немцаў з мірнага праваслаўнага насельніцтва, а то і высылялі людзей прымусова. <...> Па трактах цягнуліся велізарныя аboзы, якія часам абстрэльваліся і бамбардаваліся немцамі. У дарозе здараліся эпідэміі. Бежанскі шлях можна было пазнаць па магілках-капцах, што высіліся абাপал дарогі” [1, с. 175–176].

Пытанне бежанцаў ў той час стала адной з глабальных праблем сусветнага грамадства. Асвятленнем і асэнсаваннем гэтай праблемы займаліся ў пачатку ХХ стагоддзя нямногія пісьменнікі, у тым ліку і ў беларускай літаратуры. Таму так неабходна звярнуцца да даследавання тэмы бежанства ў мастацкай творчасці, каб асэнсаваць маштаб народнай